

*Посвящается Крису, Уиллу и Коко,
которые наполняют смехом каждый
мой день, и Эйлин Шнурр, которой это
понравилось бы*

ПРОЛОГ

ФЕВРАЛЬ 2010

В больницу мы с Фрэнком поехали на автобусе — машина сгорела. Когда я заметила, что на такси мы добрались бы туда в два с лишним раза быстрее, Фрэнк сказал:

— Я езжу в такси только с мамой. Ты мне — не мама, Элис.

Факт. Когда этот ребенок обращался к фактам, спорить с ним было бессмысленно.

— Ладно, автобус так автобус, — согласилась я.

Не успели мы проехать и двух остановок, как Фрэнк сказал:

— На меня все смотрят.

— Ну и что? — парировала я. — Значит, на тебя приятно смотреть.

Это тоже факт. Фрэнк — настоящий ангелочек: чистое лицо со здоровым детским румянцем, огромные темные глаза с неестественно длинными ресницами, россыпь веснушек на носу. У него рыжие волосы — только не безумные ярко-оранжевые кудряшки, как у детей, которых приглашают сниматься в рекламе в четырехлетнем возрасте, а в одиннадцать беспощадно дразнят на детской площадке. Шевелюра Фрэнка напоминает шерсть ирландского сеттера. Такие густые, шелковистые рыжие волосы, спадающие мягкими вол-

нами, в естественном виде практически не встречаются. Точно от него минуту назад отошел стилист, приставленный следить за совершенством прически. На заре техноколора агенты по кастингу рвали бы его на части.

Впрочем, наших попутчиков смущала не красота Фрэнка. В Голливуде смазливые детишки — настолько распространенное явление, что их можно встретить даже в городском автобусе. Взгляды людей приковывал, так сказать, не сам алмаз, а его оправа. Утром, перед выходом из дома, Фрэнк уложил волосы в стиле Рудольфа Валентино, щедро сбрызнув их лаком, надел рубашку со скошенным воротником-стойкой, белый галстук, жилет, фрак, классические утренние брюки в узкую серую полоску и гамашаи. Довершал образ цилиндр, покоившийся у Фрэнка на коленях, потому что, как он объяснил водителю, «джентльмены всегда снимают головной убор в помещении».

Я единственная в автобусе понимала, чего стоило моему подопечному снять цилиндр. Чтобы выйти во внешний мир, Фрэнк должен застегнуться на все пуговицы, укутаться, спрятаться в кокон, независимо от температуры окружающей среды. Приверженцы здравого смысла сказали бы, что ребенок одевается не по сезону; апологеты моды называют это стилем.

— Элис, ты можешь сделать так, чтобы они перестали на меня смотреть? — спросил Фрэнк.

— Нет, — призналась я. — Закрой глаза, и ты не будешь их видеть.

Фрэнк послушался и опустил голову мне на плечо. Я чуть не обняла его, однако вовремя остановилась. Когда мальчик приник ко мне, я уловила запах гари.

ДЖУЛИЯ КЛЭЙБОРН ДЖОНСОН

Обычно от Фрэнка пахло смесью лаванды, розмарина и детского пота. Хотя его комната при пожаре не пострадала, запах, очевидно, проник в гардеробную. Надо отдать в стирку всю одежду Фрэнка, а для этого придется нанимать грузовик.

— Они так смотрят, потому что ты единственный ребенок в автобусе, одетый в формальный утренний костюм, — добавила я.

— А что я, по-твоему, должен был одеть утром, да еще когда моя мама в больнице? Пижаму или вечерний костюм? — удивился Фрэнк.

Он сел прямо и повернулся ко мне, не открывая глаз.

— С твоей мамой все будет хорошо, — сказала я, искренне надеясь, что это правда. Кстати, не одеть, а надеть.

— Мне плохо дается грамматика.

— У каждого есть свои сильные и слабые стороны.

— Между прочим, Альберт Эйнштейн писал с ошибками, и у него был ужасный почерк, — сказал Фрэнк, вновь утыкаясь мне в плечо. — Несмотря на эти недостатки, в тысяча девятьсот двадцать первом году он получил Нобелевскую премию по физике. Думаешь, маму Эйнштейна так уж беспокоило его правописание?

— Все может быть, — сказала я. — Мамы — они такие, часто волнуются по пустякам, правда?

Ответа не последовало, и я поняла, что мальчик уснул. Вот и хорошо. Ехать еще долго, а Фрэнк почти не спал. Вымотался, бедный. Я сама с ног валилась. Еще неизвестно, что ждет нас в больнице. После пожара мать Фрэнка отправили на три дня под наблюдение психиатров.

БУДЬ СО МНОЙ ЧЕСТЕН

М.М. Бэннинг — удалившаяся от мира известная писательница. Задолго до того, как стать знаменитой литературной отшельницей, матерью Фрэнка и моим боссом, юная недоучка из захолустного городка в Алабаме написала книгу «Питчер» — роман, завоевавший Пулитцеровскую премию и Американскую книжную премию. На тот момент девушке едва исполнилось двадцать лет. Роман стал не просто культовым — такие произведения можно пересчитать по пальцам. Даже сегодня, тридцать лет спустя после выхода в свет, книга продается тиражом более миллиона экземпляров в год. Главный герой — красивый, загадочный и безымянный бейсболист, который поразил мир своей гениальностью, а потом съехал с катушек. Книга не слишком длинная, написана простым языком и заканчивается смертью — беспрюгрешная комбинация, которая позволила ей войти в список для чтения каждого американского старшеклассника. Со временем она стала своего рода пробным камнем трагедии, удобным символом для любой истории о потерпевшем поражение спортсмене или другой проклятой душе. Положите роман на прикроватный столик такого героя, и аудитория сразу все поймет.

Насколько мне известно, после того бестселлера М.М. Бэннинг не написала ни строчки.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КТО ТАКОЙ ФРЭНК?

ИЮНЬ 2009

1

— Мими сейчас вся на нервах, — сказал Айзек Варгас, когда просил меня отправиться в Калифорнию и взять на себя роль помощницы М.М. Бэннинга, пока та будет писать долгожданный второй роман.

Я уже год как занимала должность его ассистента — в том самом нью-йоркском издательстве, что в конце 70-х опубликовало ее литературный блокбастер. Мистер Варгас, занимавший тогда должность младшего редактора, откопал шедевр в куче рукописей, присланных начинающими писателями, и с тех пор числился личным редактором М.М. Бэннинга. Сугубо теоретически, ведь редактировать после той первой книги было нечего. Они практически не общались. В последний раз перед этим мистер Варгас говорил с ней еще до моего рождения.

— Мими в цейтноте. Она должна написать эту книгу кровью из носу, причем быстро, — пояснил он.

Ей требовался ассистент, который поможет с ком-

пьютером и будет решать хозяйственные вопросы, пока она не закончит роман.

— Это должен быть умный и толковый человек, которому мы доверяем. Я подумал о тебе, Элис.

Я пришла в смятение. «Питчер» — любимая книга моей матери. У меня перед глазами встал потрепанный томик в мягкой обложке с пожелтевшими страницами и оторванными треугольничками по краям в тех местах, где она загибалась уголки. Аннотация на задней обложке гласила:

«Произведение, написанное с подлинным чувством и невероятной пронизательностью. Выдающийся талант автора сделал эту книгу голосом не только своего, но и множества грядущих поколений. Новая классика!»

К этому прилагалась фотография юной М.М. Бэннинг. Короткие морковно-рыжие волосы, большие карие глаза за тяжелыми мужскими очками, бесформенный вязаный кардиган. Она напоминала скорее худосочного мальчишку в отцовской одежде, чем девушку на пороге двадцатилетия. Подростком моя мать была ее преданной поклонницей и каждый Хэллоуин конфисковала у своего отца кардиганы и очки, чтобы отправиться на вечеринку в костюме М.М. Бэннинг. Она бы и меня одевала в отцовские кардиганы и очки, если бы мой папаша не сбежал от нас, еще когда я ходила в младшую школу.

— Ха, — сказал мистер Варгас, когда я поведала ему о своей матери. — Самое смешное, что для этого фото Мими позаимствовала мои очки и кардиган: она категорически отвергла все образы, предложенные стилистом, а мастеру по прическам и макияжу велела

сделать простую стрижку ежиком. Когда та предложила ей модный женский вариант короткой стрижки, пикси, Мими заявила, что хочет быть похожей на писателя, а не на дурнушку, приглашенную на встречу одноклассников, чтобы оттенить красоту королевы бала. Я сказал, что получилось здорово, а она ответила: «Больше всего мне нравится в этой фотографии то, что ее возненавидит моя мать».

— И как, план удался?

— Скорее всего, та даже не удосужилась на нее посмотреть, — сказал мистер Варгас, погладив щетину на подбородке и бросив взгляд в окно. — Вот что, ты лучше не рассказывай Мими о своей матери. У нее сложные отношения с поклонниками. Да и с собственной родительницей. По-моему, она иной раз жалеет, что написала эту книгу. Кстати, я говорил, что у Мими теперь есть ребенок? Его зовут Фрэнк. Представляешь, впервые о нем слышу.

В предисловии к последнему изданию «Питчера» — я купила книгу в аэропорту, решив перечитать в самолете, — критики выдвигали множество догадок о том, что заставило умолкнуть «голос своего и множества грядущих поколений». Одни уверяли, что М.М. Бэннинг не любила писать. Другие считали, что обожала писать, просто не выносила критики. «Она задыхалась от внезапно обрушившейся славы». «У нее собралась целая куча рукописей, которые будут опубликованы посмертно, когда ей будет уже все равно, что о ней подумают». «Она вообще не писала никакую книгу, а опубликовала нечто вроде длинной предсмертной записки своего великолепного умершего брата».

Что касается загадочного ребенка, которого она воспитывает одна, то о нем вообще никто не строил никаких предположений. Вместе с книгой я приобрела блокнот, чтобы вести дневник. Выбор был невелик, и я остановилась на розовом с единорогом. Приклеенную к нему скотчем пачку карандашей я оставила на стуле в зале ожидания, надеясь, что они пригодятся какому-нибудь ребенку.

«Кто такой Фрэнк?» — написала я на первой странице, пока ждала объявления на посадку.

Начнем с того, кто такая М.М. Бэннинг. Мистер Варгас сообщил мне, что ее имя — такой же вымысел, как и книга. Издатель решил, что Мими Гиллеспи звучит несерьезно, и она придумала псевдоним М.М. Бэннинг — имя неопределенного пола, которое больше подходит директору банка, чем бросившей колледж девчонке из Алабамы. Когда книга была опубликована и стала хитом, Мими Гиллеспи все равно что умерла. Для всех, кроме мистера Варгаса, который помнил ее до превращения в знаменитость.

М.М. Бэннинг жила в Бель-Эйр. Такие дома я видела до сих пор только в журналах: на улицу выходит каменная стена, обрамленная пальмами, а дальше — сплошное стекло. На месте знаменитости, озабоченной неприкосновенностью своей частной жизни, я ни за что не купила бы такой дом. Наверное, М.М. Бэннинг и сама порой просыпается по утрам, не понимая, как здесь оказалась.

По словам мистера Варгаса, Мими не собиралась жить в Лос-Анджелесе. В двадцать два года она поеха-

ДЖУЛИЯ КЛЭЙБОРН ДЖОНСОН

ла в Голливуд наблюдать за съемками фильма по своей книге, сообщив редактору, что пробудет в Калифорнии всего пару месяцев.

Вначале все шло прекрасно. Картина завоевала целую охапку Оскаров, в том числе и за сценарий, в написании которого Мими принимала участие в качестве консультанта. На церемонию она явилась под ручку с подающим надежды актером, сыгравшим питчера. Восходящая звезда американского кинематографа Хейнс Фуллер любил сверкать голым торсом и представлял собой полное ничтожество. Журналисты окрестили пару «современными Артуром Миллером и Мэрилин Монро из параллельной вселенной», потому что Мими всегда ходила в очках и кардиганах, а Хейнс выставлял напоказ свою грудь.

В двадцать три года Мими вышла за него замуж, а в двадцать пять развелась. Вместо того чтобы вернуться в Нью-Йорк, она купила стеклянный дом и спряталась в нем. Точнее, попыталась. Как можно спрятаться за стеклом? Она еще распаковывала вещи, а самые преданные поклонники уже прижимались носами к окнам.

«Я читал твою книгу. Мне знакома твоя боль. Выходи поговорить».

Для защиты от фанатов М.М. Бэннинг выстроила каменную стену, увенчанную колючей проволокой. Поклонники и журналисты порой еще бродили по периметру, надеясь... Интересно, на что? Ожидали, что удалившаяся от мира гениальная романистка выйдет позировать для литературного эквивалента фотографии йети? Или что в один прекрасный день ей станет